

ТАЛЛИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИК

ОРГАН ПАРТКОМА, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА КОМСОМОЛА И ПРОФКОМА ТПИ

№ 24 (1104)

Пятница, 7 октября 1983 года

XXXV год издания



«Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством».

(Из Конституции СССР).

НАШ ОСНОВНОЙ ЗАКОН

Важнейшим средством повышения уровня культуры советских людей является единая система образования, благодаря которой Советский Союз смог выйти на первое место в мире по уровню грамотности населения. Верхним звеном в этой системе являются вузы, количество которых достигает девятисот. Таллинский политехнический институт — один из них.

В соответствии со статьей 25 Конституции СССР были выработаны функции высшей школы, которая не только дает высшее специальное образование, но и направляет коммунистическое воспитание студентов, их духовное и физическое развитие, готовит их к трудовой и общественной деятельности. Так делается и у нас в ТПИ.

В нашем повседневном учебном и рабочем ритме мы не всегда обращаем внимание на те, ставшие привычными, факторы, которые оказывают влияние на гармоничное развитие будущего специалиста. На то, что у нас 75 процентов студентов получает стипендию. Что проживание в общежитиях обходится в незначительную сумму, что врачебная помощь бесплатна, квартирная плата — самая дешевая в мире. Перечень можно продолжить. Эти блага нам гарантированы, и, может быть,

поэтому они не всегда приходят на память, ощущаются как привычная, сама собой разумеющаяся повседневность. Но Основной Закон не только гарантирует нам права, но и предъявляет обязанности.

В параграфе 60 говорится: обязанность и дело чести каждого трудоспособного гражданина — трудиться в общественно полезной области. И не просто трудиться, но с полной отдачей и строгим соблюдением дисциплины. А учеба — это основная работа студента, за которую государство платит ему. Не только стипендией, но и всеми общественными благами. Институт планирует около 1,5 тысяч рублей в год затрат на каждого студента. Элементарные расчеты показывают: это приблизительно 120 рублей в месяц — для того, чтобы студент хорошо учился.

Каждая статья, каждая часть Конституции — это глубоко продуманный пункт программы советского человека, программы, по которой партия ведет наш народ ленинским путем. Будем учиться снова и снова познавать, заново открывать для себя этот документ, и тогда ясные станут те цели, которых добивается Советский Союз в своей внешней и внутренней политике.

А. ТАЛЫТС.

ЭТА ПРОСТАЯ ТРУДНАЯ РАБОТА

Вы пришли на вечер отдыха в замок Глена. У входа вас встретят два или три приятных молодых человека и попросят ваш пригласительный билет. Спустившись в гардероб, вы столкнетесь с еще одним юношей, который возьмет у вас плащ и даст номерок, предварительно потребовав (вполне законно) пять копеек за услугу.

На первый взгляд может показаться, что вы общаетесь с организаторами вечера. Но это не так. Ребята, проверяющие пригласительные, дежурящие в гардеробе, баре и в танцевальном зале, — не организаторы вечера. Они — его хозяева! Организовать вечер может комитет комсомола ТПИ, профком или студенческий клуб, хозяин же на всех вечерах один — оперативный отряд комитета комсомола ТПИ. Именно от трудной и незаметной работы членов ОКО зависит, насколько удастся мероприятие так, как его задумали организаторы.

У этих ребят нет повязок на рукавах, и работа, которую они выполняют, может показаться очень простой. Но, кроме проверки пригласительных, надо следить за тем, чтобы кто-то не принес с собой спиртные напитки, не пропустить уже

«тепленького» студента, для которого еще один коктейль, взятый в баре, будет уже лишним. С появлением таких лиц атмосфера в зале резко накаляется. А задача членов ОКО и состоит в том, чтобы тактично, как можно незаметней для окружающих, утихомирить страсти, не дать им выйти в бурное объяснение, в котором главным аргументом является кулак. Не всегда потенциального драчуна удается тихо вывести из зала и проволить к выходу. Иногда приходится применять силу для того, чтобы унять распоясавшегося грубияна. Поэтому нам нужны физически развитые ребята.

Помнится, зимой 1982 года, во время концерта ансамбля «Рок отель» во дворце им. Я. Томпа, желающих попасть в зал было гораздо больше, чем проданных билетов. Нам пришлось взять друг друга под руки и такой вот живой цепочкой отгеснять тех, у кого не было билетов и поэтому решивших «брать штурмом» входные двери. В таких ситуациях физическая сила просто необходима.

Но она не главное качество, которое мы предъявляем к «оковцу». Прежде всего член нашего отряда должен быть честным, добрым и чутким человеком. Не последнюю роль

играет чувство товарищества. Ведь часто приходится вести беседу с лицами, которые, мягко говоря, не очень дружелюбно к тебе настроены. А для того, чтобы хладнокровно и сдержанно вести себя в такой обстановке, просто необходимо быть уверенным в товарище, стоящем у тебя за спиной, «на все сто». Такие качества проверяются только в работе. Поэтому из 10—15 человек первокурсников, которые приходят к нам ежегодно, к концу года остается только 4—6 человек. Некоторых не устраивает наша работа. Некоторые не устраивают нас... Зато прошедшие испытательный срок, и оставшиеся в нашем отряде студенты — это люди, в полном смысле слова, прошедшие «огонь, воду и медные трубы». Они получают в институте ряд льгот: например, освобождение от летней практики, бесплатный вход на все вечера, проводимые комитетом комсомола ТПИ, возможность получения стипендии при не очень успешной учебе и многое другое.

Не следует думать, что работа нашего отряда замыкается только на институте. Наши ребята принимают активное участие в рейдах, проводимых



управлением уголовного розыска и ОБХСС города. Есть у нас и засады, есть и погони, и проверки баров и ресторанов города и многое другое. Обо всем нельзя написать. Если вы захотите поближе узнать, чем занимается наш отряд, приходите к нам сами! Вы можете обратиться в комитет комсомола института, где вам помогут найти командира ОКО вашего факультета. Первокурсники-энергетики могут обратиться прямо ко мне, найдя в расписании группу АУ-58.

Ребята, которым понравится наша работа и которые останутся в нашем отряде, никогда не будут жалеть об этом. Это уже проверено!

Игорь АЛЬХОВИК,
командир ОКОД энергетического факультета, АУ-58.

В НОМЕРЕ:



● География студенческого лета — 2—3 стр.

● Уроки эстонского — 3 стр.

● Осенние мотивы — 4 стр.



«КАК БУДТО ВСЯ СТРАНА МОЯ —

Дежурная тема осенних студенческих разговоров — дороги и маршруты. «Мы в такие шагалы дали...» «А мы побывали еще дальше...», А вот мы... Восточная Сибирь и Нечерноземье, Западная Сибирь и Молдавия, Венгрия и ГДР — по эмблемам и нашивкам стройотрядовских курток можно и впрямь изучать географию.

Итак, бросим взгляд за горизонт и посмотрим, чем было интересно студенческое лето.

ТАЛЛИН — ДРЕЗДЕН

Из воспоминаний о стройотряде

Как вы думаете, в скольких столицах можно побывать за два дня, передвигаясь поездом? Не трудитесь с подсчетами — мы побывали в пяти. Вначале был Таллин, — перрон, провожающие, поцелуи, последние наставления. Потом Рига, Вильнюс, Варшава, и, наконец, мы в ГДР.

Берлин. Мы осмотрели столицу с высоты 203 м с телевизионной вышки (город как на ладони, видимость стопроцентная) и отправились к конечной цели нашего путешествия — в Дрезден. Здесь нам предстояло провести три трудовые недели. Надо сказать, что работа у нас была оригинальная. Только поначалу было довольно прозаично — на стройке были траншеи для прокладки кабеля. А вот потом... Послали нас на борьбу с вредителями-короедами. Эти мерзкие жучки портят прекрасные стройные ели, ну и, сами понимаете, что это так оставить нельзя. Мы и представления не имели, как мы с ними будем бороться — ловить по одному или травить «скопом». Оказалось, все куда проще. Просто — напросо надо сдирать кору с деревьев. Работа не из легких, зато на свежем воздухе. Мы с таким усердием принялись за нее, что выполнили план на 126%. А субботник был еще увлекательней — вишни собирали. Лица в розовую крапинку, руки фиолетовые — потом два дня не отмывались.

В один из выходных мы с портативным магнитофоном «акскурсоводом» обошли всю Дрезденскую галерею. Увидели знакомые по репродукциям шедевры: «Сикстинскую мадонну» Рафаэля. «Шоколадницу» Лигетара, шедевры Рубенса, ван Дейка, Рембрандта. В сорок пятом году во время англо-американской бомбардировки здание галереи было сильно повреждено, но сейчас имеет первозданный вид. Многие картины в последние дни войны были вывезены фашистами, либо спрятаны в непригодных условиях, и огромную помощь в отыскании сокровищ картинной галереи оказали советские войска. Еще и в Дрездене можно встретить развалины зданий с мемориальными плитами на них, как вечное напоминание о тяжелых последствиях войны.

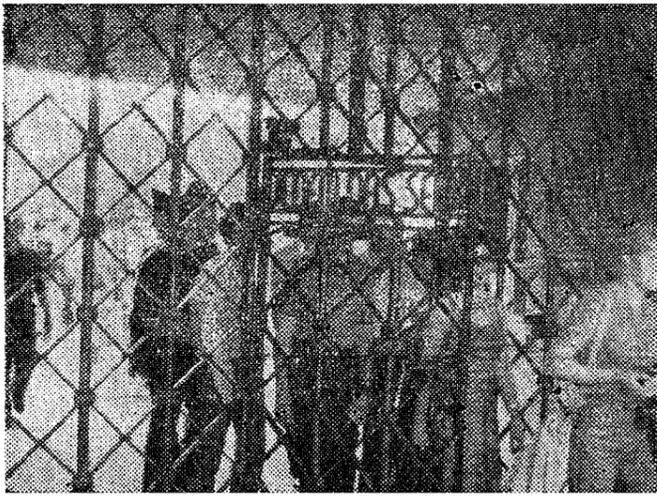
Еще более гнетущее состояние вызывает концентрационный лагерь Бухенвальд, где погибло не менее пятидесяти тысяч человек. В память жертвам фашизма возведен огромный мемориальный комплекс. Вблизи лагеря находится центр классической немецкой литературы — Веймар. Мы посетили дом Гёте на площади Фрауэнплац, который в течение почти пятидесяти лет служил ему жилищем и творческой лабораторией и под сенью которого был написан «Фауст». Дом Шиллера — его последнее пристанище перед смертью. Здесь он сочинил «Вильгельма Телля». Дом Листа — замечательного пианиста-виртуоза и композитора. И историческое кладбище, где находится мавзолей со склепом Гёте и Шиллера.

Побывали мы во многих городах южной части ГДР — Дрездене, Лейпциге, Магдебурге, Виттенберге — городе Мартина Лютера, Эрфурте, Вернигероде — прекрасном маленьком городке с «игрушечными» домиками, в Мейсене с его знаменитой фарфоровой мануфактурой. Может быть, приходилось вам когда-нибудь видеть фарфоровую посуду с клеймом — два скрещенных синих меча? Это мейсенский фарфор. Нам показали весь процесс его изготовления, начиная со смеси составляющих фарфора, обработки на гончарном кругу и кончая росписью.

А как приятно было прокатиться на паровозике в охотничий замок в Морлицбурге и под музыку Вивальди подлюбоваться его залами, стены которых сплошь увешаны оленьими рогами. А поход в Саксонскую Швейцарию! Чудная природа, горы, необыкновенной красоты, старинные замки. А «лунная ночь на Эльбе», а дворцовый комплекс Пильниц! Сколько удивительных мест!

Уже в последние дни съездили в Потсдам, где в замке Цecilienhof состоялась в 1945 году потсдамская конференция, и главы правительств СССР, США, и Великобритании подписали соглашение, которое явилось началом нового исторического этапа в жизни немецкого народа.

Вспоминается вечер советских бригад. Мы недолго думали, как выступить. Как-то само решилось, что будем танцевать, покажем эстонские народные танцы. Причем, ни магнитофона, ни режисера, ни иного музыкального сопровождения — тан-



У ворот Бухенвальда.

цвали под собственное пение. Получилось даже очень здорово. А когда наш дискор Урмас Лейнфельд объявил, что в подарок советским бригадам прозвучат песни Юрия Антонова, крики радости и аплодисменты долго не умолкали, а на танцевальной арене, как говорится, некуда было яблоку упасть.

Вот так мы и жили. Весело, дружно, интересно, всегда и всюду вместе. Конечно, надо отдать должное организаторскому таланту, умению сплотить коллектив нашего командира Рооде Лийаса. Весь интерлагерь единодушно жризал нас самым дружным отрядом. Жаль, что это счастливое время быстро пролетало.

Фото Алара Мяз.

Елена ИВАНОВА.
ММ-77.

ТЮМЕНЬ

Два голубых катера, лихо заворачивая на крутых изгибах реки, везут нас, пятерых бойцов, вверх по течению. Ингу-Янга неглубока и красна, как венозная кровь — от торфа. Веря начало из бесконечных болот, она петляет и петляет по тайге: многие километры.

Быстрое течение подмывает песчаные берега, и деревья, задрав оголенные кривые корни, почти касаются верхушками воды. Катера уворачиваются от тонялка и мелей, ветер задирает вихри, открывая незагорелые полоски лба у корней волос. Кромка леса вдаль за старицей, как в мареве, видна нерезко — пожара.

Погода, как назло, безветренная, да еще и солнце спряталось. Самое раздолье для гнуса. Обмазываемся или обливаемся антикомаринами. Но уже после полудня работы пот сменяет защищающее средство. Оно едкое, разъедает губы, глаза. Налетает гнус. Это зудящее облако иногда доводило до бешенства. Руки судорожно сжимают топор, и единственный выход для злости — крушить кривые стволы хилых березок. Санитарная рубка: ее-то уж мы запомним надолго.

А еще ночные разгрузки. Несколько часов подряд идут «КрАЗы». Везут строительные материалы, продовольствие, запчасти. Самое тяжелое — это ждать. Ждать, когда заревет под окном тяжело груженная машина, и чей-то нервный крик «КрАЗ» идет!!» поднимет заснувших, прервет разговоры и вынесет нас из обжитых домиков в «комариновую темноту». Этот крик еще, наверное, долго будет помниться нам, как армейский «Подъем!», как ночной вопль «Пожар!».

Часам к трем утра «кразовщик» с красными от усталости глазами кричит из кабины: «Все, последняя!» И откуда только силы берутся? Миг — и кузов машины пуст.

Мы бредем к своим домикам. У бочки с водой скидываем энцефалитные куртки и, не обращая внимания на тучи гнуса, обливаемся ледяной водой.

А потом спать, спать!

А в письмах домой — все в восторге, без жалоб. Перед каждым спецрейсом, когда забирают нашу почту, отряд усаживается где придется (столов не хватает) и скрипит ручками, выводя: «Здравствуй, мама!»

— Мужики! Подскажите, что написать.

Начинается представление... — Напиши, мол, жив пока еще, — советует кто-нибудь из кучки мрачных юмористов.

— Чему, пиши, не перестаю удивляться.

— А коловина отряда, напиши, уже ничему не удивляешься. Отудивляешься.

Пишущий старательно выводит: «Я здоров...» и т. д.

— Серег, от тебя привет передать?

Юмористы не дремят.

— Передай, Олежек, передай. Напиши, мол, Сергей перед смертью привет передавал.

— Вчера только, пиши, в болоте скоронили.

Домики, в которых расположился отряд, уже кажутся родными. Когда кто-нибудь говорит «дома», то приходится уточнять, где именно: в Эстонии или здесь.

По вечерам под окном любители рыбалки, собираясь в очередной поход к реке, перед сном деловито обсуждали достоинства червя перед личинкой короеда. Зашнуровывали энцефалитные костюмы, натягивали накомарники, опрыскивались «Тайгой», звенели блеснами. Потом, негромко переговариваясь (рыбалка требует тишины), уходят к старице.

В соседнем здании стучит шарик от настольного тенниса. Плещется вода — кто-то стирает. В комнате рядом «футболисты» обсуждают предыдущий матч.

Такая она — жизнь стройотрядовская. Мы не думали о романтике, но, пожалуй, без нее не обошлось.

Летняя студенческая пора. И тяжелая, и веселая — всего хватает.

Алексей ТООМ.
ЕВ-97.

ЯКУТИЯ

Я не вел дневников, считая, что наиболее важное и интересное осядет в памяти и вспомнится.

Была ночь. Догорала свеча. На сбитом из досок столе остатки ужина: сгущенное молоко, колбаса, тушенка, куски хлеба... Слышна гитара и голос Сергея Ястребова. На голых бетонных стенах блики теней, на полу матрацы, на которых сидят человек пятнадцать бывших уже бойцов ССО «Эхитая». Говорили о дружбе и было грустно. Приходилось расставаться и, покинутое лето оставалось только в фотографиях, еще не сшедших мозолях и воспоминаниях.

Это была последняя ночь перед отъездом домой. Стояла чудесная погода, вдалеке виднелись зеленые скаты возвышенности. Вечная мерзлота давала о себе знать озерцами, одно из которых начиналось прямо у наших домиков и ошутливо заявляло о себе вечерними комарами.

Что этому предшествовало? Позади остался курс, сессия, восьмичасовой перелет и острый запах хвоя, который ощутил я, выйдя из самолета.

Мы радовались всему, нам было все интересно, и мы готовы были мириться со всякими неудобствами, которые предлагала нам жизнь.

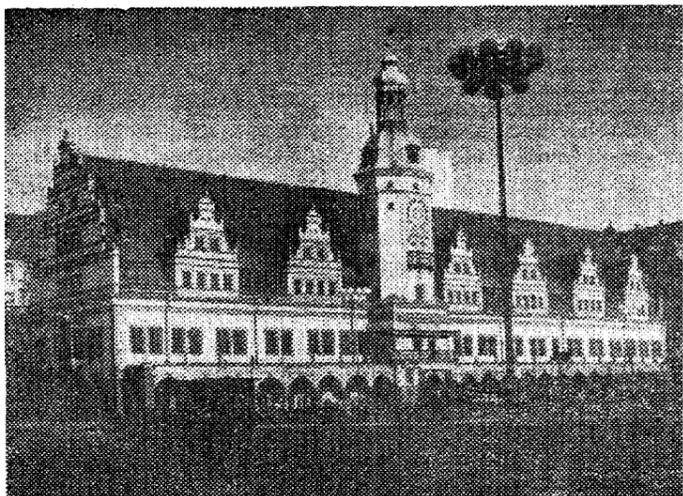
А предложила она нам их буквально с первого дня. На все два месяца пришлось забыть об удобствах, к которым мы так привыкли дома и приобретать навыки, о которых либо забыли, либо не знали.

Итак, первая неделя работы. Готовимся к встрече отряда. Под жильем выделяется коробка пятиэтажного панельного дома, который лишен всего, кроме входных дверей, застекленных рам и настленных полов. Все остальное делаем сами: навешиваем двери, врезаем замки, ставим санитарно-техническое оборудование.

Якутск — центр Якутской АССР, расположенный на левом берегу Лены. Свообразие в его облик вносят трубопроводы, проложенные над землей, дома, стоящие на сваях. Якутск рассекается протоками и образовавшимися из них озерцами.



(Окончание на 3-й стр.)



Виттенберг — город Мартина ЛЮТЕРА.

СТРОИТЕЛЬНЫЙ ОТРЯД ...»

ЯКУТИЯ

(Начало на 2-й стр.)

Здесь находится единственный в стране институт мерзлотоведения, университет, три музея, три театра и любившийся нам Дворец культуры и техники. С остальным миром город связан судоходной рекой и самолетами. Разница во времени с московским — шесть часов. Акклиматизация прошла быстро, но эту разницу приходилось учитывать, например, при телефонных переговорах: чтобы заехать родных дома в вечерние часы, в Якутске приходилось, жертвуя сном, вставать в три-четыре часа утра.

Многонационален состав горожан. Здесь проживают якуты, сахалыры (дети брака русских с якутами), русские, китайцы, корейцы, нанайцы... Этот список можно было бы продолжить, но вернемся к отряду.

— Здесь будет столовая, здесь медпункт, здесь штаб, —

Володя Федоров, наш мастер, распределяет помещения.

— Кому двухкомнатная квартира?

— Кто будет жить в трехкомнатной? — слышны восклицания и очередная группа уходит обживать помещения. Такая свобода выбора жилья возможна только в стройотряде. Вот бы дождя так! Соседями по подъезду на первых двух этажах оказался второй отряд из ТПИ «Калевипозэг». Соседний подъезд занимали два отряда из Горького, а в следующем жили отряды из Туркмении.

Работали по 10—12 часов, порой и по четырнадцать.

Что запомнилось?

Программа радио: «Для строителей БАМа» — ее мы слушали, когда утром ехали на работу.

Жаркий, без единого дождя, июль; не менее жаркая первая

декада августа. На объектах пили ведрами; и квас, и воду. Почти мгновенно схватывался в кучах бетон, и его приходилось раскалывать ломом.

Долгожданный приезд обеда на объект и томительное ожидание автобуса после окончания работы. Бесконечные перебранки из-за инструмента: «Это мой молоток, эта ножовка моей бригады, не трожь мою бригадирскую лопатку!».

Холодные последние дни, когда мерзнут руки и продувает ветер, когда укладывали бетон под проливными холодными дождями и потом грелись, прижавшись друг к другу возле электрической плиты.

Вспоминаются товарищи по отряду. Марк Майсурадзе, гордый грузин, всегда ищущий правды, но не всегда умеющий работать. Честные ребята Олег Космачев, Саня Чикур, Юра Кирпичев. Всех не перечислить. Отряд был в основном работающим и, пожалуй, самым неприятным прозвищем был «лентяй». Даже те, которые к учебе в институте откосились с лендой, в работе подтягивались и старались ни в чем не уступать передовикам. В работе хорошо узнаешь человека, и для меня одним из важнейших критериев ценности и надежности человека является умение работать, трудолюбие.

Удивил меня комиссар. Я до сих пор не понимаю, для чего он был в нашем отряде? Ясно одно: неплохой человек, Валера, да занимал не свое место, которое было столь необходимо отряду. Думаю, лучше других это понял Костя Вандерфлит, которому во многом пришлось на себя взять комиссарскую работу.

Что еще вспоминается?

Прекрасный краеведческий музей, музей западноевропейского искусства, Ленские столбы.



Новый Диоген.

В 180 километрах от Якутска река Лена преподносит вам величественное зрелище. Его по праву считают одним из чудес света. Это Ленские столбы, сказочные изваяния, созданные фантазией самой природы из постоянно меняющихся (в зависимости от освещенности) цвет камней. Сияя гладь ре-

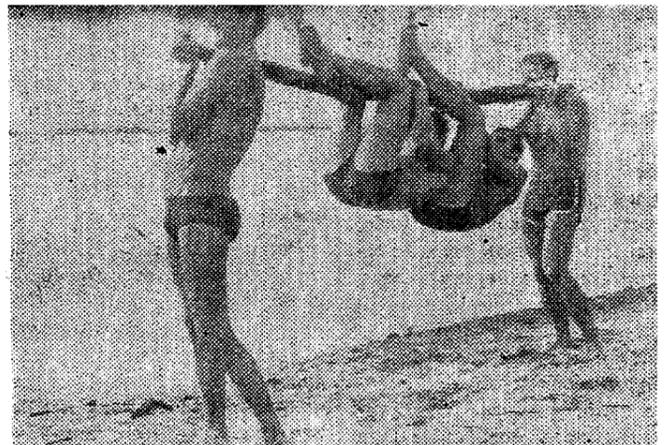
Фото Ю. Кирпичева.

ки, белый теплоход, гигантские каменные глыбы. Есть дни, периоды в жизни, о которых не сожалеешь. Они вписываются и остаются навечно в твоей памяти. Именно такими остаются для многих из нас месяцы, проведенные в Якутске.

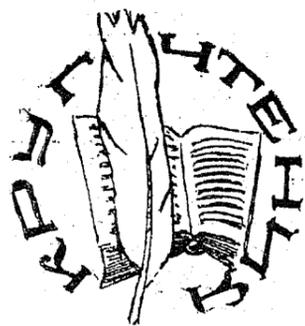
Владимир ПОЛЯКОВ.
ЕЕ-87.



Для семейного альбома.



Пляжный сезон на реке Лене.



В этом обзоре я хочу познакомить вас с некоторыми наиболее интересными журнальными публикациями прошедшего лета.

«Иностранная литература» (№ 6—83) продолжает печатать роман Ирвина Шоу «Нищий, вор» (начало в № 5—83). В разделе «Литературные портреты» вы найдете статью С. Белова об этом интересном современном американском писателе, называется она «Ирвин Шоу: профессия — беллетрист». Обратите внимание на рассказы австралийского писателя Алана Маршалла, помещенные в «Антибурке».

В 7-м номере «Иностранной литературы» печатается окончание романа И. Шоу; интересна повесть бразильского писателя О. Ф. Жунора «Бразилец Жорже». В этом же номере помещена подборка стихов известного французского шансонье, композитора и поэта Жоржа Брасанса (1921—1981). В «Антибурке» — рассказ Рэя Брэдбери «Чепушинка».

Августовский номер «Иностранной литературы» опубликовал фантастический

роман английского писателя Кристофера Приста «Опрокинутый мир». Автор считает себя учеником и продолжателем Герберта Уэллса, и в своих произведениях он так же, как и его учитель, выступает против дикарей с научными степнями, маньяков, ставящих на карту судьбы народов и всей Земли.

«Новый мир» (№ 5—83) поместил на своих страницах кампучийскую хронику Александра Проханова «В островах охотник...» — повесть о великих страданиях и несчастьях; и «Жизнеописание» Юлиу Эдлеса — очень своеобразную вещь на морально-этическую тему.

Июньская книжка «Нового мира» предлагает новые романы (начало) Грэма Грина «Почетный консул» и Сергея Иванова «Из жизни Потапова». В июльском номере журнала проза представлена романами Г. Грина и С. Иванова (окончание), интересной повестью политического комментатора Георгия Зубкова, долгое время работавшего во Франции. Повесть называется «На явку выходит Эйфелева», тему ее можно определить так: Маяковский во Франции.

«Юность» в 6-ом номере (83) начала печатать детективную повесть Николая Леонова «Ловушка». В этом же номере — рассказ Надежды Кожвикиной «Магазин игрушки», посвященный проблемам семьи. Кроме того в журнале вы найдете материал о А. С. Пушкине «Арина Родионовна, Наталья Николаевна». Автор этой статьи — В. Непомнящий.

В июльском номере «Юности» продолжение повести Н. Леонова «Ловушка» и интересный рассказ Инны Гофф

«Сага о старом корабле».

В «Октябре» (№ 5—83 г.) опубликован новый роман Вениамина Каверина «Наука расставания». В этом произведении известный советский писатель пишет о пережитом, о военном времени, о людях на войне; это роман о человеческих отношениях, о высокой нравственности, о верности и о любви.

В 6-м номере «Октября» печатается повесть воспоминаний Инны Гофф «Превращения». «Воспоминания — благо, они необходимы душе. Человек рожден, чтобы помнить и вспоминать», — так начинается автор свое повествование. Пишет она о встречах с Паустовским, Гвардовским, Светловым, Кассилем и другими советскими писателями. Окончание этого произведения вы прочтаете в 7-м номере «Октября» и там же — роман в письмах В. Корогича «Лицо ненависти» — роман о любви, о добре и зле, о детях.

И, наконец, несколько слов о журнале «Дружба народов». В 7-м номере (83) помещено начало романа Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом». Здесь же прочтите интересную повесть Б. Шубина «Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина» и рассказ С. Воронина «Энигафия». Должна сказать, что журнал «Дружба народов» часто печатает очень интересные рассказы. Так, например, в майской книжке журнала опубликованы рассказы В. Пухова «Куркуль» и Л. Уваровой «Самый любимый человек», а в июльском номере с рассказом «Костенька и Коленка» выступает Г. Бакланов.

А. ТРЕГУБОВА.

НОВОЕ В ПРОГРАММЕ

Несколько лет тому назад в некоторых группах экономического факультета был введен новый предмет — эстонский язык. А уже с этого года его будут изучать почти все студенты нашего института. Это необходимость, которая ощущалась уже давно, о которой и сами студенты частенько поговаривали. Предпринимались кое-какие попытки в этом направлении: факультативы в отдельных группах, занятия в университетском языке. Последнее как раз и показывает, что интерес к изучению эстонского языка очень велик: например, в этом году в университете языком будет работать 3 группы, подано 48 заявлений.

А занятия, предусмотренные учебным планом, как раз и помогут студентам приобрести навыки в изучении эстонского языка. Правда, два часа в неделю — это, конечно, совсем не много, но ведь каждый из нас, по крайней мере теоретически, знает, что без самостоятельной ежедневной работы язык не изучит.

Учебные группы делятся на так называемые «сильные» и «слабые». Хотя такое деление несколько условно, но все-таки поможет в выборе необходимой методики преподавания с учетом уровня владения языком. Конечно, выпускники, окончившие школы нашей республики, уже изучали язык, так что им будет в ка-

кой-то мере легче, чем тем, кто приехал к нам из других городов страны. Но ведь цель у всех у нас одна — научиться общению на эстонском языке, тем более, что мягкие останутся после окончания вуза работать здесь, в республике, станут командирами и организаторами производства. И не только профессиональные знания дает вуз, но и умение общаться с людьми, быть воспитателем и руководителем трудового коллектива. Ну а язык — основное средство общения, так что, наверное, никого не надо долго убеждать в том, насколько легче работать с людьми, владея их родным языком.

Может, кого-то, открывшего новый учебник, по которому будут заниматься наши студенты, отпугнет его большой объем, обилие грамматического материала, то, что эстонский язык как один из финно-угорских языков характеризуется рядом особенностей, не свойственных русскому языку... А уж 14 падежей, три степени долготы звуков и многое другое, что до конца так и не было усвоено в школе... Но еще и еще раз хочется повторить, что цель все-таки оправдывает средства.

Итак, первый урок, первая тема...

О. А. СЮСЮКАЛОВА,
ст. преп. кафедры русского языка.

КОНКУРС РАССКАЗА АНГЕЛ МОЙ, ОЛЬГА

А. ЧЕРНЫХ

Со мной с утра не расставался дождь...

«Свеча на моем столе почти догорела, а я еще не рассказал тебе свою новую сказку. Постараюсь успеть, хотя и не понимаю, что тебе нравится в моих выдумках?»

Вчера ко мне в окно заглянул на огонек молоденький осенний дождик. Он спросил, отчего я грущу, и я не угадал, что болен любовью к Осени. Мой разговорчивый гость вздохнул и сказал, что мол, он тоже знает любовь (милый малыш!), и затем выразил удивление: как можно любить такую капризную и слезливую старушку? Я как можно мягче упрекнул его в несправедливости и неожиданно разговорился:

«Ты еще молод, мой друг, тебе всего несколько дней, и сегодня меня не поймешь, но изволь... Ты самый любимый ее сын и должен это знать».

Когда уходит светлая, взбалмошная, смешливая Весна, на Землю опускается равнодушно-тягучее, душное, жаркое, потное и ленивое Лето. Оно нависает над людьми лавиной запахов, цветов и солнца; разражает бессовестностью раздвинутого неба; обманывает наивностью расплывчатых, как детские глаза, цветков... Но посмотри: деревья пригораживаются, обесаясь в золото и пурпур; бесстыдница трава никнет к земле, плетные колосья важно и торжественно склоняют головы в низком поклоне — идет Осень. Осень — пора, когда приходит желание

...остановиться и понять значение и предназначенье... становятся понятными слова:

«Я пришла — не прибавилась неба краса,
Я уйду — будут также цвести небеса»;

и вообще приходишь к простой, на первый взгляд, истине: удел безоблачной и беззаботной жизни — не для человека. Это первый из всех подарков Осени. Дальше потянутся дни раздумий и ночи тоскливых поисков пути. И вот, когда множество трудных, бессонных, мокрых от слез и дождя (мой юный гость, ты к тому времени должен уже стать совсем взрослым) ночей останутся во вчера, и очередное утро вдруг ослепит тебя красками солнечного неба, оглушит на миг музыкой последних птичьих песен и согреет теплом легкого ветерка, тогда, поняв и приняв капрыз щедрой на выдумку Осени, человек по-настоящему постигает казавшийся ему раньше таким обманчивым, ускользающим смыслом происходящего. Тот, кому открылось это знание, с сего дня и вовек будет благодарен умнице Осени за бесценный дар. А когда позади остается столько встреч с Осенью, как и меня, благообразность перерастает в зрелое и сильное чувство.

Вот и все, малыш. Иди и передай мои слова Осени. Я знаю, она будет им рада. Ступай. Ты симпатичный мальчишка, но в комнате стало очень сыро и, боюсь, это не понравится моей хозяйке: для нее дождь — всего лишь вода (бедняга, верно? Прости ее.) Иди. Спокойной ночи».

Вот и все. Свеча доживает последние мгновения: что же еще сказать тебе? Читай внимательно эту сказку, но верь не все время года я предпочитаю Зиму.

До свидания, друг мой! Присей остайся....

«Страшно, страшно по-неволе...»
А. С. Пушкин «Бесы»

В комнату льется нервный матовый свет. За окном валит снег, и по лицу Трушин плывет тень от частых комжоватых хлопьев.

«Ну, вот мы празднуем праздник», — с тревогой думает Трушин. Он вскочил среди ночи, будто опомнился, и стоит вот у окна в синей пижаме, взъерошенный, с пугливой жадностью разглядывает мелькающий серебристый сумрак. Желтая ночь непрозрачна: огни, деревья, дома — все завешено снегопадом, плотным, прямым, нескончаемым.

«Как хорошо, — шепчет Трушин, — как хорошо!» Его немного трясет от волнения, и он сам не знает, что делает. Натягивает штаны, рубашку, крадучись выходит из комнаты, в прихожей долго возится в темноте, что-то бормочет, потом идет на кухню, вытаскивает из-под стола громоздкую пишущую машинку, расчехляет ее и вкручивает чистый лист. Щелкает замок входной двери, и Трушин на лестничной площадке.

В открытом проеме подъезда колышется, оседает ватная стена. От нее тянет вялой прохладой. Трушин высовывает голову под снежный душ и шалает от восторга. «Уфф! Уфф! — раздается в темном подъезде».

Снегопад на глазах редет. Успокаивается. Ночь становится тише. Все такие же крипные хлопья не летят уже — парашютят. Из глубины ночи плавно выныривает фонарь и оказывается совсем рядом, и вот уже нет снегопада, сыплется сырая мелочь. Все реже. Реже. Сходит на нет.

Трушин стоит, не шевелится. Двор выходит из ночи незаметно, странным, и на бледно-желтой, рытлой цепи раскладываются бычьи тени куцы деревьев. «Какая тяжелая была осень. Господи...» Но Трушин не хочет об этом думать.

«Пора!» — решает он и делает несколько шагов. Останавливается, смотрит под ноги, улыбаются чему-то и идет дальше вдоль спящего дома. В побойкотные он с веселой яростью топает по мрачно-фиолетовому асфальту; комочки голубого снега, осыпаясь, рисуют пустые следы.

Улица слабо освещена, и нет звезд. Воздух сочный, чистый, и совсем без запахов. Снег набивается в незашнурованные ботинки, но Трушин не чувствует холода. «Как хорошо», — повторяет он в сочный раз. Но спроси его: «Отчего тебе так хорошо, Трушин?» Что он ответит? Отчего бывает человеку хорошо в святую, переосмысленную ночь? «Будто с поезда сошел, — размышляет Трушин. — Так-чх, так-чх, пых-х — остановился мой поезд. Кончилась, наконец, эта страшная осень. Вчера кончилась, в шесть часов вечера. Так-чх, так-чх, пых-х...»

Бежит через улицу черный лопухий пес. «Фьють, фьють!» — свистит ему Трушин. Пес останавливается, смотрит на человека. Худой серьезный пес. «Извини, пожалуйста», — говорит ему Трушин, — беги себе дальше... Это я так. Извини.» А лопухий все стоит, смотрит не мигая. Трушин подошел и присел рядом на корточки. «У меня есть конфета, хочешь?» Пес тычется холодным носом в ладонь обнюхивает слежавшуюся

карамельку, потом подхватывает ее на клыки и, раскусив, глотает. «Да ты зеленый!» — говорит Трушин и гладит собаку влажной рукой по спине. — Весь зеленый! Кто это тебя так, бедняга-дворяга... дай-ка я повычешу твою спину под тыжелой рукой с расческой. «Эх, бедняга-дворяга, — призывает Трушин. — Нет у тебя ничего и ничего, а только гол и ноги. Зато ты сам выбираешь себе друзей. Ты аристократ духа. Ты не дворяга, а дворянин... И правильно, не завидуй, плой на всех этих откормленных разнопородистых шавок».

Краска не отставала от шерсти. Зубья сыпались на расчески, как семечки из подсолнуха. Трушин бросил ее в снег. «А хочешь, дворянин, я отмою тебя? Куда же ты?» Трушин догнал пса и пошел с ним рядом. «Ко мне вчера жена вернулась... Слышишь?» Пес вильнул хвостом, остановился и поднял глаза на Трушина. «Да, вчера. Вчера вечером... вернулась, — сказала Трушин. — Теперь я смогу работать... Жаль, что ты читать не умеешь, а то я бы что-нибудь и для тебя написал бы. А что? Для собак еще никто не писал, верно?» Пес зевнул. «Нет, что ты... Мы не поссорились. Она влюбилась. Но... как влюбилась, вернулась. Ты думаешь, зря? Думаешь, зря я ее принял? Не думай так. Я без нее работать не могу...» Трушин присел, и пес лизнул ему щеку. «Вот такие простые дела, — сказал ему Трушин. — А ты заметил, какой был снегопад? Ну, конечно, заметил, ты же был на улице. Хорошо было, правда? Кончилась, наконец, эта проклятая осень. Ну, пойдем, пойдем ко мне, я накормлю тебя. А если захочешь, останешься у нас жить. Я и на троих заработаю. Теперь я начну работать. Пойдем?» Но пес убежал и скрывается за углом булочной. Трушин сворачивает вслед за ним и выходит к кочегарке. В широкие деревянные ворота, свежеевыкрашенные в густую зелень, врезана узкая дверь. Она расплывалась и в освещенном проеме сидит ситливый человек в резиновых сапогах, в лопухий кепочке. Из-за спины его высовывается голый черный лопухий пес. «Здравствуйте вам», — говорит Трушин. «Да-а, — растягивает в ответ ситливый старик. — Не спишь?» «Я говорю, — продолжает Трушин, — вот так вот живешь, живешь, а в одну ночь трах-бах и будто с поезда сошел.» Старик чиркает спичкой, Прикуривает, сложив ладони лодочкой. «По тебе и видно, что ты, как с Африки приехал.» Он говорит не торопясь, кричит при этом беззубый рот, у ноздрей вздрагивает дымящийся окурок.

Окно возмуд, мутнеет, вскипает остатками снегопада. Трушин стоит перед стариком, смотрит как тот затягивается, вместе с пальцами обхватывает губами коротенький окурочек, всасывает бьм с табаком. «Снег-то... малосольным окурочком пахнет», — говорит он. «Ага!» — радостно соглашается Трушин, явственно почуввав запах упрямых, еще зеленых огуриков. «К обеду растает. На грязь лег», — говорит старик и смотрит вверх, в беззвездное небо. Трушин точно не слышит старика, он вскакивает, делает шаг в одну, в другую сторону, будто вспоминает откуда пришел и, не сказав больше ни слова, шагает

прочь. Из кочегарки, толкая вбок старика, высовывает голую черная собака с зеленой спиной. Она смотрит вслед Трушину и тихо скулит.

Трушин бежит, поскользнувшись, падает, зарывается в снег и с минуты лежит, не шевелится; снег обжигает ему лицо, просачивается сквозь одежду. Под сильнейший скулеж, Трушин переваливается на спину и смотрит в глаза собаке. «Что же это я?.. А, дворянин? Как же это мы с тобой? Встал... и ушел среди ночи. А?.. Ко мне вчера жена вернулась... Понимаешь?» Пес вильнул хвостом и опять заскулил. «Да, вчера вечером вернулась, ровно в шесть, — говорит Трушин. — Теперь я смогу работать... Жаль, что ты не умеешь. Нет, мы не поссорились. Мы... то есть я... или Оля... Но ведь она вернулась и теперь это неважно, правда?» Пес зевнул. «Я без нее работать не могу.» Трушин приподнялся и сел. Пес лизнул ему щеку и принялся обнюхивать оттопыренный карман. «Кончилась, наконец, эта проклятая осень... Ну, пойдем, пойдем ко мне, я накормлю тебя. А захочешь, останешься у нас жить, я и на троих заработаю. Теперь я начну работать. Пойдем!»

Трушин поднимается с земли, стращивает с себя сырой снег и, тяжело ступая, бредет к дому. «У нас тебе будет хорошо, — говорит он псу. — И Оленька будет рада. Мы тебя отмоем в тазу. Нагреем воды и омоем. Ты ведь к ваннашке не привык, а у нас ее и нет. Только ты не пугай соседей, не броди по коридору, сиди в нашей комнате. Она маленькая, наша комната, но зато с солнечной стороны. А на старых обоях адреса и телефоны друзей, наипапанье руками друзей... У нас хорошая...»

Трушин оглаживается вокруг себя. Пса уже нет рядом. «Умница, — думает Трушин. — Ты все правильно понял.»

Он поднимается на второй этаж и входит в квартиру. Не включая света, он раздевается, проходит на кухню, выкручивает из машинки чистый лист, зачехляет ее и ставит под стол. Потом проходит в кабинет, садится за письменный стол и тупо смотрит на исчерпанные листы. С дивана глядит на него слезящимися глазами старый дог. «Ну, что, Джек, не спишь?» спрашивает Трушин дога. В ответ чуть теплеем взгляд у собаки. «А надо спать, Джек... Надо.» Трушин целует дога в лоб и выходит из кабинета. По дороге в спальню, он заглядывает в комнату детей: дочери спят, у старшей стол прибран, книги разложены аккуратно, а у младшей все на столе: и ранец, и тетрадки, и какой-то платок, и помада. «Помада? А впрочем, что ж тут такого, уже не маленькая...»

Трушин лезонько толкает дверь в спальню. На пол падает узкая полоска снежного света и застывает на стене. Снег за окном валит с новой силой.

«Как твои дела?» — не открывая глаз, спрашивает Трушина жена, — «Хорошо, — отвечает Трушин. — Я тебя разбудил?» «Нет, — говорит она, я сама проснулась.»

Трушин ложится в постель и только теперь понимает, как он устал. Жена подбирается к нему и одной рукой обнимает его за плечи. «На какой ты уже странице?» — спрашивает она. Трушин не отвечает. Лежит с открытыми глазами и слушает как звонит будильник. «Так-чх, так-чх, так-чх...» Пятый час ночи.



Рисунок Андрея Лобанова.